

САМОЕ ДОРОГОЕ НА СВЕТЕ

Яптэко Манзадей был убеждён, что придёт время, когда самые знаменитые учёные напишут о нём такую книгу, что если ребёнок начнёт её читать с пяти лет, то последнюю страницу он перелистает уже в глубокой старости: так будет толста эта книга...

Пока же Яптэко скорбел. Причиной скорби был его возраст. Яптэко Манзадею шёл двадцать первый год, а человечество, наверное, ещё не догадывалось о его существовании. Придя к этому горькому выводу, Яптэко две недели ездил по стойбищам мрачный. Не придумав ничего исключительного, Яптэко Манзадей поехал в Красный чум к русской учительке Тоне Ковылёвой.

Она была, по мнению Яптэко, так учёна, что перед её мудростью меркли не только все научные светила, но даже бухгалтер колхоза «Полярная звезда», который умел очень красиво, с сотнями тонких завитушек, писать разные деловые бумаги.

Он писал так красиво, что бумаги, заполненные его завитушками и виньетками, не мог прочесть даже сам секретарь тундрового Совета Миша Якимов.

Яптэко очень уважал русскую учительку. Ведь это она обучила его грамоте.

Он подъехал к Красному чуму уже в сумерках.

– Здравствуй, товарищ Тоня, – сказал он, опустив глаза.

С недавних пор он со стыдом в душе признавался, что в серые, как у котёнка, глаза учительки он прямо смотреть не может.

– Здравствуй, Яптэко, – сказала учителька. – За новыми книгами приехал?

– Нет, – сказал Яптэко.

Учителька угостила его чаем.

– Ты какой-то странный стал, – задумчиво произнесла она. – Может быть, влюбился в кого-нибудь?

– Нет, – сказал Яптэко смущённо. – Я ненавижу баб: они хитрые и много кричат, – объяснил он и уже спокойно посмотрел в глаза учительки. – Скажи, кого на свете больше всего любят люди? А?

Учителька с изумлением посмотрела на Яптэко. Яптэко объяснил подробно, что его интересует.

– Зачем тебе это? – ещё более удивилась учителька.

– Надо, – нахмурился Яптэко Манзадей.

– Великих людей на земле было очень много, – сказала учителька, – Фарадей, Шекспир, Толстой, Ньютон, Бруно, Ломоносов, Рафаэль, Микеланджело, да мало ли их...

– А я мог бы сделаться таким же великим? – тихо спросил Яптэко Манзадей.

Учителька отрицательно покачала головой.

– Нет, – сказала она, – великие люди рождаются редко. И хотя они рождаются талантливыми, они много учатся, прежде чем стать великими. А ты ещё только едва грамотой овладел.

– Обидно, – сказал Яптэко. – А есть такие, кто без большой грамоты великим стал? Неужели нет таких?

– Таких нет, – улыбнулась учителка. – Одни самоучками приходили к знаниям, другие учились в университетах. Вот, например, Циолковский или Мичурин сами до великих открытий дошли, но они много читали и изучали.

– Мичурин... – с уважением повторил Яптэко. – Дай мне про него почитать.

Получив книгу, Яптэко бережно спрятал её на груди и, поблагодарив учителку, покинул Красный чум.

Так началась полоса творческих страданий и великих открытий ненецкого естествоиспытателя Яптэко Манзадея.

Прочитав книгу, Яптэко немедленно забросил все свои дела и поехал в Красный город, столицу своего округа. Там в продуктовом магазине он купил ведро картошки и, тщательно укутав её в оленьи шкуры, отвёз на побережье Ледовитого океана.

На сопке перед своим чумом он приготовил две гряды и посадил в них картошку. Русская уборщица на фактории объяснила ему, как это делается.

– Не вырастет только здесь, замёрзнет она, – усомнилась женщина.

– Вырастет! – убеждённо сказал Яптэко. – Великий учёный Мичурин даже северный виноград вырастил, а я ведь только картошку.

– Ничего, ничего, дерзай, Яптэко, – поддержал заведующий факторией товарищ Кузнецов. – Только нос не вешай, если вначале будет неудача.

– Я не из таких! – сказал Яптэко и с наступлением великого полярного дня посадил картошку по всем правилам искусства.

День, когда первые робкие ростки картофеля показались из земли, стал для Яптэко Манзадея днём неописуемого счастья. Он забросил все свои дела и поехал по стойбищам. И в каждом стойбище он подробно рассказывал о своей научной работе и, подняв палец, говорил: «Растёт!»

И все радовались успехам Яптэко Манзадея.

– Ты очень умный человек, Яптэко! – говорили пастухи. – О тебе надо в газете писать.

Но пришла осень, и первый же мороз лишил Яптэко его радости. Ботва повяла, и только на одной из гряд единственный зелёный стебель мужественно отстаивал своё право на жизнь. Это было таким ударом по мечтам Яптэко Манзадея, что он не выдержал, решив навсегда покинуть горькую стезю великих открытий. Чтобы полностью испытать всю горечь неудачи, Яптэко подошёл к грядке и... застыл от изумления.

– Растёт? – не веря своим глазам, растерянно произнёс он. – Ишь ты, лешак!

Единственный клубень посередине гряды зеленел коренастой ботвой, и на одном из стеблей её синел цветок.

– Вот беда! – почтительно сказал Яптэко, удивляясь мужеству растения.

И волна огромной нежности к скромному синему цветку заполнила душу Яптэко. Он опустился на колени и бережно провёл шершавой ладонью по листьям, точно это были щёки любимой девушки.

– Ишь ты, – шептал он боязливо, словно во сне, – выжил!

Вечером он уже был на фактории. Товарищ Кузнецов дал ему крепкий деревянный ящик и несколько кусков стекла.

Как драгоценность вёз это к себе Яптэко. Укутав на ночь картофельное гнездо сухим мхом, Яптэко сделал из ящика передвижной парник и стал ревниво следить за солнцем.

Уже наступали длинные ночи. Они делались всё длиннее и длиннее, а солнце всё ниже и ниже опускалось над Баренцевым морем. Оно горело уже слабо и то лишь в полдень.

Яптэко ни на шаг не отлучался от своего чума. Он тщательно полон грядку и с привычной тревогой всматривался в небо. Больше всего он боялся ветров, особенно северных, несущих с собой холод, осень, снежные тучи.

И когда ему не понравился юго-западный ветер, дохнувший на его грядку, он старательно пересадил картофель в ящик. Пересаживая его вместе с землёю, он так боялся повредить у него хотя бы один корешок, что даже затаил дыхание, перенося ящик в свой чум. Слегка полив растение озёрной водой, Яптэко лёг спать. Утром он вынес ящик на солнце, радуясь с каждым днём всё более и более.

Определённо, картофель рос! На берегу Ледовитого океана, на неприветливой, промёрзшей на миллионы лет родине Яптэко, рос картофель. Это Яптэко, ученик великого преобразователя природы, вырастил его.

А солнце всё меньше, всё слабее светило над тундрой...

Ещё никогда так не сожалел Яптэко об уходящем солнце, как в эту осень. «Поздно я задумал это дело, – огорчился он, – раньше бы надо».

И, сидя у ярко полыхавшего костра, он трогал каждый листик картофеля негнушимися пальцами и мягко улыбался растению, точно оно могло понять всю его нежность и несказанную гордость.

Когда выпал первый снег, Яптэко позвал своих друзей и, угостив их вином, в торжественной тишине вырыл картофель.

Каждому клубню он решил дать имя, и поэтому первый, самый крупный, величиной с гусиное яйцо, получил имя Опой, что означало «первый»; второй, более мелкий – Сидя; третий – Няхар, а четыре остальных остались безымянными, ибо они были меньше ногтя безымянного пальца.

– Вот ушкан-то! – в восхищении говорили друзья Яптэко.

Тщательно завернув клубни в мягкую шкурку пыжика, Яптэко спрятал свёрточек в кожаную сумку и с тех пор никогда не расставался с ней.

Разъезжая по стойбищам, гостя у товарищей, он при всяком удобном случае вынимал заветный свёрток и показывал людям свою гордость – семь клубней, выращенных им, Яптэко, на берегу Баренцева моря.

– Что есть самое дорогое на свете? – спрашивал он, гордо улыбаясь. И, уже нахмурясь от важности, отвечал: – Самое дорогое на свете – это наука!

– Правда, – говорили пастухи, – тебе лучше видно. Ты картошку своими руками вырастил.

– Это научная картошка, – говорил Яптэко и ехал в другое стойбище, ибо все должны были проникнуться такой любовью к науке, какой проникся к ней Яптэко Манзадей – ученик великого Мичурина.

Шли дни за днями. Томительно тянулась полярная ночь. Чтобы скоротать время до наступления весны, Яптэко приезжал в Красный чум и подолгу беседовал с русской учителькой.

– Ты много сделала для меня, товарищ Тоня, – говорил он. – Ты меня сделала грамотным. Ты меня сделала учёным.

– Ну, до учёного тебе ещё далеко, – улыбаясь, говорила учителька, – ты даже алгебры-то не знаешь.

– У меня голова от неё болит, – говорил Яптэко.

– А картошку сажать математика не нужна? Химия не нужна? – смеялась учителька.

– Я и без них её вырастил столько, что тебе на три дня хватит, а то и на четыре, – хвалился Яптэко и уезжал в свой чум.

С наступлением первых весенних дней он стал всё реже и реже посещать её. Ему казалось, что он надоел учительке. Она стала какой-то мрачной и на все вопросы Яптэко отвечала коротко: «да» или «нет». Изменился и облик её. Щёки покрылись зеленоватой бледностью, и дёсны распухли.

– Ты болеешь, учителька? – спросил её как-то Яптэко.

Она отрицательно покачала головой и сказала:

– Оленьи жилы надо есть, помогает, а я не могу, противно.

– Тебе к доктору надо, – посоветовал Яптэко.

– Это пустяк, – сказала учителька, – не будем об этом говорить.

Яптэко подумал, что учителька сердится на него из-за чего-то. Он подружески распротился с ней и больше уже не появлялся в Красном чуме.

Всё его внимание привлекли первые проталины, появившиеся у подножий сопки.

«Не пора ли?» – думал Яптэко, но, чуя ещё холодный ветер и предчувствуя морозы, он медлил.

Он ждал, когда солнце наполовину оголит сопки. Он так увлёкся своей мечтой, что совсем забыл об учительке. Она осталась где-то далеко-далеко в его сознании.

Сейчас ему нужно было солнце. Весёлое июньское солнце, которое даст жизнь его детищу.

И долгожданный момент наступил...

Яптэко наполнил деревянный ящик унавоженной землёй. Он тщательно подготавливал её, очистив от мха, крупных песчинок и травы. Когда было всё готово, он посмотрел на солнце и открыл заветную сумку. Далёкий свист задержал его внимание. Кто-то подъезжал к чуму Яптэко. Яптэко

улыбнулся при мысли, что гость позавидует, увидев, как сажается картофель, выросший в тундре.

Острым ножом Яптэко проделал в земле семь ямочек и бережно положил в них клубеньки. Три первых он загребал землёй с особым старанием. Он нарочно медлил закапывать их, но гость всё ещё ехал где-то на соседней сопке, и, боясь, как бы клубни не озябли, Яптэко зарыл их.

Поставив ящик на солнце, Яптэко сел рядом с ним и улыбнулся. В эти мгновения он был самым счастливым человеком на свете.

Необъятное будущее простиралось за этими крохотными клубнями для Яптэко. Он уже видел себя в кругу великих учёных, которые, сидя на траве посреди Кремля, почтительно расспрашивают его, Яптэко, о том, как же это он умудрился на льду, в холодной тундре, на берегу Баренцева моря вырастить замечательный картофель, по полпуда каждый клубень.

И Яптэко уже объяснял им: «Что самое дорогое на свете? Наука. Вот я и сделал это ради науки, вроде великого русского человека Мичурина или Ломоносова».

... Тяжёлая ладонь опустилась на плечо Яптэко. Позади него стоял один из колхозников, живший по соседству с Красным чумом.

– Письмо тебе, Яптэко, – сказал он.

Яптэко развернул записку и стал читать её. Свет померк в его душе, когда он прочитал записку.

Это писала учителька. «Милый Яптэко, – писала она, – ты мне говорил, что у тебя есть картофель. Пошли мне хоть немного. Мне очень тяжело. Меня всю скрючило, вываливаются зубы, и кровоточат дёсны. Цинга. Наверное, для тебя это большая жертва, но у меня нет больше никакого выхода. Врач сказал, что завтра-послезавтра будет уже поздно... Спаси меня, милый Яптэко. Тоня»

– Она до завтра никак не доживёт, – хмуро сказал колхозник. – Её всю скорчило, а самолёты уже не летают. Изо рта кровь течёт. И гной. Ребятишки плачут. Кто, говорят, нас учить теперь будет?

Яптэко молчал. Он тупо смотрел на ящик, отсвечивающий стеклянной рамой, и безвольно опущенные руки его ощущали холодок земли.

– Ей очень тяжело, – продолжал колхозник, – её всю скорчило, и изо рта кровь течёт. Все ребятишки плачут.

Яптэко поднял невидящий взгляд, и лицо его передёрнула судорога.

– До завтра она никак не доживёт, – почти хрипел колхозник, и губы его дрожали, – её всю скорчило.

– Да замолчи ты! – крикнул в ярости Яптэко.

– Ты не сердись на нас, Яптэко, – сказал колхозник. – Мы думали о том, как тебе это больно, но ей очень тяжело. До завтра она никак не доживёт.

– Возьми, – тихо сказал Яптэко, – возьми, только уходи скорее. Ну! – крикнул он. – Ну!

И, сгорбившись, точно придавленный старостью, он ушёл в свой чум.

Колхозник бережно поднял ящик и прикрутил его к своим нартам. Потом он на цыпочках вошёл в чум и увидел: Яптэко лежал на шкурах, лицом зарывшись в подушку, и плакал.

Человек положил на латы свой подарок для Яптэко и тихо вышел из чума.

Когда Яптэко обдумал всё и ему стало легче, он поднял голову. Он поднял голову и с удивлением посмотрел на латы. На досках у костра, освещаемая пламенем догорающего хвороста, стояла четвертинка водки...

Впервые чувство удивительной любви к миру, к людям переполняло его.

«Что самое дорогое на свете? Наука! А ещё что? Всё! Но самое дорогое – это учителька и ребята из колхоза... Правду ли я говорю? Правду!»

И он поднимал стакан за долгую жизнь всех хороших людей на свете, за Тоню Ковылёву – русскую учительку, за колхозников, за великую силу человеческой нежности и сочувствия, за науку.